

Российская национальная библиотека

О. Д. Голубева

Деятели Российской национальной библиотеки

Н. И. Гнедич

Санкт-Петербург
2000

Главный редактор серии директор РНБ В. Н. Зайцев

Редактор: Н. Р. Бочкарева

Голубева О. Д.

Г. Н. И. Гнедич.— СПб., 2000 (Деятели Рос. нац. б-ки (Публ. б-ки))

Первая монография, посвященная непревзойденному переводчику «Илиады» Гомера — поэту, театральному деятелю, критику, издателю Николаю Ивановичу Гнедичу, проработавшему в Публичной библиотеке более 19 лет (1811–1831). Он был в приятельских отношениях с К. Н. Батюшковым, В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, Е. А. Баратынским, А. А. Дельвигом, П. А. Вяземским и другими поэтами своего времени. По гражданским воззрениям и эстетическим взглядам примыкал к декабристам. Книга предназначена для библиотекарей, книголюбов и всех, кто интересуется историей русской литературы и культуры.

К ЧИТАТЕЛЮ

К блестящей плеяде выдающихся деятелей русской культуры и литературы — сотрудников Публичной библиотеки — принадлежит Николай Иванович Гнедич. Автор пламенных гражданских стихотворений, создатель первой русской идиллии («Рыбаки»), первой русской романтической поэмы («Рождение Омера»), непревзойденный переводчик «Илиады» Гомера, проработал в Библиотеке свыше 19 лет.

Его служебная деятельность тесно переплеталась с творческой. Особенно это проявилось во время перевода «Илиады». Поддерживал, поощрял и помогал Гнедичу директор Библиотеки А. Н. Оленин, который всегда рассматривал его «усердную службу» в совокупности с «немаловажными трудами в пользу русской словесности»¹.

Гнедич был в приятельских отношениях с К. Н. Батюшковым, И. А. Крыловым, В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, Е. А. Баратынским, А. А. Дельвигом, П. А. Вяземским и др.

Он вращался среди декабристов, но не состоял в их тайных обществах, хотя по гражданским воззрениям и эстетическим взглядам примыкал к ним довольно близко.

Личная судьба Гнедича была трагической. Физические недостатки, болезни, любовь без ответа, нужда, разбитые надежды — все это было на его пути.

Несмотря на такой горестный жизненный путь, Гнедич обессмертил свое имя в русской литературе, отвоевал себя у забвения.

В этой книге мы расскажем о жизни и деятельности Гнедича, выполняя долг перед его памятью и опираясь на достоверные факты.

«УТРО ДНЕЙ»

О детстве Николая Ивановича Гнедича сохранились крупницы достоверных сведений. Родился он 2 февраля 1784 г. (Все даты даны по старому стилю.) в Полтаве в захудалой мелкопоместной семье (1).

Полтава вошла в историю литературы как родина многих знаменитых писателей. Среди них И. П. Котляревский, Е. П. Гребенка, И. Ф. Богданович.

Имя матери Гнедича нам неизвестно. Не помнил свою мать и сын: был очень мал, когда она умерла. Биограф Гнедича И. Н. Медведева приводит противоречивые сведения о дате ее смерти: то она умерла при родах сына (2), то в 1785 г. (3). Во всяком случае, Гнедич с малолетства был лишен материнской заботы и ласки. Впоследствии он скажет:

От колыбели я остался
В печальном мире сиротой;
На утре дней моих расстался,
О мать бесценная, с тобой!

Отец — Иван Петрович — происходил из казачьего рода Гнедёнко, живших на Слободской Украине, между Полтавской и Харьковской губерниями. Его предки известны с XVII в. Большинство из них принадлежали к запорожской вольнице. Были среди них монахи, священники, учителя, унтер-офицеры, поручики, но больше всего сотники, т. е. начальники над сотней казачьего полка с «сотенным городком» и всеми близлежащими селами (4).

В царствование Екатерины II многие сотники, в том числе и Гнедёнко, получили дворянство, и фамилия их была изменена. Были Гнедёнко, стали Гнедичи. Последним сотником рода был дед Гнедича — Петр Осипович. Сотники стали простыми сельскими обывателями, громко именуемыми дворянами. Занимаясь сельским хозяйством, они, как правило, разорялись. Ко времени рождения сына Иван Петрович совершенно разорился. Его хозяйство не приносило никакого дохода. Иван Петрович и Петр Осипович жили в усадьбе, покрытой соломой, в маленьком сельце Бригадировка Богодуховского уезда Харьковского наместничества. Там прошло и детство поэта.

Достоверно известно, что отец дожил до 70 лет (5). Но нет сведений о том, в каком году закончилась его жизнь. Вскоре после смерти отца небольшое имение с 30-ю душами крепостных Гнедич подарил своей любимой и единственной сестре Галине Ивановне. Как отмечено в послужном списке, Гнедич никогда не имел ни родового, ни благоприобретенного имения.

В раннем детстве перенес черную оспу, лишившую его правого глаза и оставившую страшные следы на его лице. «...Ах, ты Господи, что это было за лицо: мало того, что от страшной оспы у него вытек один глаз, и на месте его осталась красная слезящая яма,— писала М. В. Каменская, дочь известного живописца и скульптора Ф. П. Толстого.— Нет. У него еще по всему лицу, по всем направлениям, перекрещивались какие-то толстые, мертвенного цвета нитки из тела (точно такие, как бывают на опаре из теста)... Ну, просто страсть смотреть!» (6). Хотя впоследствии те, кому удавалось с ним сблизиться, узнать его доброе и благородное сердце, недюжинные способности и отзывчивость, забывали о его наружности. «Когда он был весел, так мил и привлекателен, что забывали дурноту» (7). Если бы не оспа, Гнедич был бы действительно привлекателен: высок ростом, статен, с правильно очерченным профилем.

Судя по письмам сестры, ее и брата учил грамоте на «малороссийском наречии», в котором русский язык смешивался с украинским, какой-то дьячок или полуграмотный писарь.

Вспоминая свое детство, Гнедич писал: «Я вырос как дикое растение, само себе предоставленное» (8). Отец, видимо, не занимался сыном. Самым сильным впечатлением детства были песни кобзарей. Позднее в идиллии «Рыбаки» он вспомнит о песнях слепцов, которые бродили с бандурой или с кобзой по Малороссии и порой заходили в дом Гнедичей.

Я помню из детства, как в нашем селении старец,
Захожий слепец, наигрывал песни на струнах
Про старые войны, про воинов русских могучих.
Как вижу его: и сума за плечами и кобза,
Седая брода и волосы до плеч седые;
С клюкою в руках проходил он по нашей деревне
И, зазванный дедом, под нашу хатой уселся.

И вдруг по струнам залетали костистые пальцы;
В руках задрожала струнчатая кобза, и песни,
Волшебные песни, из старцевых уст полетели!
Мы все, ребятишки, как вкопаны в землю стояли;
А дед мой, старик, на ладонь опираясь, думный,
На лавке сидел, и из глаз его капали слезы.

В 1793 г., 9-летним мальчиком, его отправили в Екатеринославскую семинарию. Так называлась тогда Полтавская семинария, потому что Полтава входила в состав Екатеринославской епархии.

Духовная семинария — это среднее учебное заведение, в котором обучались бурсаки. Судя по литературным произведениям, хотя бы по «Вию» Н. В. Гоголя, бурсаки жили впроголодь, добывая себе на пропитание чтением псалтырей над покойниками, распеванием псалмов на базарах, участием в представлениях на религиозные темы в народных театрах («вертепах»). Учили бурсаков правилам русской грамматики, знакомили с поэзией, преподавали им риторику, философию, богословие, арифметику, латинский, древнегреческий, немецкий языки.

В 1797 г. вышло распоряжение о перенесении семинарии в Новомиргород. Но отец перевел сына в Харьковский коллегиум, организованный в 1725 г. белгородским епископом Епифанием, «по образцу польских иезуитских». В коллегиуме Гнедич проучился до 1800 г., хорошо овладел русской литературной речью, приобрел прочные знания в древних языках.

Самым замечательным событием харьковского периода жизни было начало дружбы с будущим декабристом А. П. Юшневским, «светлость ума, чувстви-

ность и благородство души» которого, по словам Гнедича, возвышали его над всеми другими (9).

Еще в семинарии Гнедич начал «пробовать перо», сочиняя вирши и «похвальные слова» в прозе (1795). В бумагах Гнедича находятся образчики такого рода поэтических упражнений. Ими он продолжал заниматься и в Харьковском коллегиуме (10).

Духовная семинария и Харьковский коллегиум не давали дворянского воспитания. И это наложило на Гнедича свой отпечаток. «...В нем не было никакой «светскости» и той житейской «легкости», которая отличала поколение дворянских писателей начала XIX в. Среди них Гнедич, испытавший в молодости много лишений, стоит особняком. По всему складу натуры он был непохож на беспечных эпикурейцев и блестящих остроумцев вроде Батюшкова и Вяземского» (11).

После окончания коллегиума весной 1800 г. он приехал в Москву с желанием поступить в университет. Так как студентов в то время был уже полный комплект, то Гнедич и приехавший с ним приятель Юшневский были взяты пансионерами в Университетский благородный пансион. Через какое-то время был переведен студентом в Университет.

А. А. Прокопович-Антонский, возглавлявший Университетский пансион, охотно принимал украинскую молодежь, имея «постоянной целью сближение своих земляков с москалями» и «открывая путь к образованию всех сословий». Поэтому особых проблем с поступлением в Университет не было.

По словам С. П. Жихарева, студент Гнедич «замечателен был неутомимым своим прилежанием и терпением, любовью к древним языкам. Греческим языком овладел в совершенстве» (12). Посещая лекции известного классика П. А. Сохацкого, основательно ознакомился с латинской и греческой литературой. Прочитал все сочинения Шекспира на французском языке.

Под руководством А. Ф. Мерзлякова познакомился с древней и новой русской словесностью. К удивлению своих товарищей, Гнедич прочитал три раза «от доски до доски» совершенно неудобочитаемую «Телемахиду» В. К. Тредиаковского. Усиленно занимался не только учебной программой, но и самообразованием. Увлекался рисованием. «Рисую я большую картину карандашом — Диану и Эндимира», — сообщал он «любезному папеньке». Да еще: «На гитаре играю сонаты» (13). Написанные картины пересылались «любезному папеньке». В письмах к отцу просил денег на книги. «Вы, любезный папенька, обещали мне подарить ваш телескоп, его можно продать и купить книги. Они по крайней мере без употребления не останутся» (14).

В Университете Гнедича прозвали «ходульником» за манеру всегда говорить свысока и «всякому незначительному обстоятельству» придавать «какую-то особенную важность» (15).

В Москве обнаружилась его любовь к драматическому искусству. Участвовал в любительских спектаклях на сцене Университетского благородного пансиона и за представление некоторых трагических лиц «косыпаем был единодушными похвалами», пленял товарищей «одушевленным, сильным чтением писателей, особенно драматических».

По словам Жихарева, за доброту студента Гнедича любил ректор Университета Х. А. Чеботарев. «...И когда во избежание припадков подагры или хираргрии, должен был, по предписанию врачей, решаться на сильный моцион, то одного только Гнедича приглашал с собою играть в бабки» (16).

Учился с такими будущими деятелями русской литературы, как М. В. Милон, Н. Ф. Кошанский и З. А. Буренский.

В Москве Гнедич попал в круг людей, живущих литературными и театральными интересами. И сам пробовал свои силы на литературном поприще. В последний год учебы в Университете выпустил анонимный сборник «Плоды уединения». В нем были представлены произведения разных жанров: стихотворения («Несогласие», «Стон при гробе М-ва»), пьесы («Добрый внук», «Честолюбие и позднее раскаяние»), рассуждения («О богатстве», «Гимн добродетели», «Чувства кающегося грешника», «Весеннее утро», «Соловей», «Кладбище», «О великодушии»), повести («Пример храбрости», «Несчастливая любовь», «Мориц, или Жертва мщения»). Последняя повесть — «Мориц, или Жертва мщения» была издана и отдельно с посвящением Ивану Владимировичу Лопухину, известному мис-